

60-е –70-е годы прошлого столетия и тысячелетия проходили у меня в неустанных поисках литературных путей–дорог. В о л ь н ы е х л е б а доставались с трудом. Старшему брату Владимиру, живущему на границе с Китаем – в городе Благовещенске-на-Амуре, тоже. Он п а х а л на радио, в газетах, на телевидении, исподволь готовясь к главному труду жизни – роману «Дикие побеги».

Мне приходилось в те годы колесить по стране, поэтому г е о г р а ф и я населённых пунктов, куда шли письма с Амура, разнообразна: города Хабаровск, Салехард, Барнаул, Рязань, Зeya Амурской области, сёла Сладково Тюменской области, Икей Иркутской области, Тисуль Кемеровской области, Александровское Томской области.

С июня 1962 пошли его письма в Москву: я поступил в Литературный институт имени Горького, проживал в общежитии на улице Добролюбова 9/11, где позже будет проживать и Владимир, поступив на Высшие Литературные Курсы.

Почерк брата не всякий каллиграф разберёт. В письмах такая витиеватость слов, что даже я, расшифровывая их, ломаю головушку над тем или иным словесным оборотом.

Спасибо Николаю – одному из сыновей брата: он взялся за прочтение и компьютерный набор посланий.

Писем у меня сохранилось около восьмидесяти. Во многих Владимир повествует о том, какими нелёгкими тропами и дорогами он шёл в мир литературы. С Дальнего Востока он часто приезжал на малую родину, подолгу общался с земляками Каргасокского, Парабельского районов, пытливо вглядываясь в обновлённый облик томского Севера, его жителей.

Роман «Дикие побеги», опубликованный в центральном издательстве «Молодая гвардия», затем в «Роман-газете» добавил Владимиру новых творческих сил и возможностей. Хоть и не широко, но всё же открылись двери в другие издательства и журналы.

Вхождение в большую литературу почти для каждого серьёзного писателя является школой борьбы и мужества. Не исключение и творческая биография моего старшего брата.

Перекидывая мосточки в памяти о тех временах, не устаю поражаться писательской выносливости и долготерпению, какими обладал Владимир Анисимович. На литературной ниве он был неутомимым пахарем.

Вениамин Колыхалов.

*Томск – Академгородок
Октябрь 2017 г.*

Вена, привет!

Рад, что ты доехал аж до самой Москвы! Сдавай, сдавай хвосты и всё остальное. Это первое, второе – позднее (сейчас пока не ходи) наведайся в «Октябрь», повесть я им послал и уже получил уведомление. Рукопись у них с 13 мая. Есть там такая женщина: Анна Максимовна Мороз. Так что, когда приедешь, зайдешь и к Карелину – Петру Александровичу и к Мороз – Анне Максимовне. От этой Анны я получил письмо, она пишет, чтобы я прислал повесть, и они будут читать. Вот так. Но пока не торопись ходить: пусть читают. Ходи по своим делам.

Был от «Амур.Правды» в селе. Буду писать большой очерк. Душевное моё состояние хреновое. Хабаровск ещё не решил, за их ли счёт поеду я на семинар. Т. Чуринов прислал мне договор: 225 рублей за лист, 15 тыс. тираж. Но тираж обещает дать до 30 тысяч. Интересно, что из этого выйдет. В общем, снизил мне ни за что! Я думал, что эта повесть мне принесет поддержку денежную. А тут – кроха! Цена – кроха, каких-то 2 тыс. рублей.

Будь здоров, Вена! А я – зол и недоволен.

Владимир

Благовещенск-на-Амуре

Июнь, 1962 г.

Дорогой брат!

Получил твоё последнее письмо. Рад, что ты остался в Рязани. Москва рядом – заглядывай туда чаще. Работа? Найди что-нибудь интересное. А на будущий год постарайся поступить на очное.

Читал статью Кожемяко в «Лит. газете» – это ваш молодежный редактор. Кажется, не растолковал, судя по перу, умный парень. Это не Дуб. Сотрудничай с ним. Тренируйся в прозе. Важно очень.

Стихи твои прочитал. Те, что напечатали, хорошо. Остальные туманные (кроме шутки). Может, я их не понял. Больше образов надо. Поэту надо всерьёз учиться. Но – дерзай.

Из Москвы я пока ничего не слышу. Прислал Емельянов в ответ свою книгу и больше ни слова.

В Хабаровске передали две главы. Если хотят дать в придачу – спасибо, пусть поддерживают.

С нашими, с Лушкиным в частности, уже разругался в пух и прах. Не хороший он человек. От него здесь отвернул морду Хабаровский зал. Скажи – справедливо? Делец он порядочный. Отсюда суди: могу ли я предлагать твои стихи? На днях я их отпечатаю, и ты пошли сам. Обязательно пошли. Это тебя не касается.

«Амурская правда» тоже в рот набрала блевотины. Пародии твои зарезали окончательно, а я давал им (неразб.) и тоже – кислая рожа. Меня здесь не любят. Завистники – что с них возьмёшь! Я не грущу.

Работа над повестью двигается. Сегодня хочу закончить десятую главу.

Дома дела ничего. С Тamarой в ссоре. Я ли виноват, она ли – не хочу судить. Не одобряю насилия над духом. И хочу человеческого обращения, и какой-то – пусть призрачной, но свободы.

Она же не хочет понять. Последний раз ругалась на меня. Причина: не пришел к семи часам домой (а обещал). Не пришел потому, что неожиданно подвернулась встреча с Ю.Шестаковой из Хабаровска. Пошли Дедов и она – поужи-

нать. Не думаю, чтобы из-за этого стоило перегибать дугу. Я же не сдержан – и не могу прощать мещанство и глупость. Но хватит об этом.

Финансовые мои дела плохие. Прошлый раз денег Дедов мне дал – на мою новую книжку. Я выслал тебе, а Коля должен мне 120 рублей. Как-нибудь выкручусь, но ты, пожалуйста, ни о чем не думай. Сказал тебе прямо, как есть. Со временем дело поправим. Твоя забота сейчас – учиться.

Числа второго вышлю тебе пальто, костюм, пуловер и шапку – ту, чёрную. Ты мне пошли лист табаку, как соберешься с деньгами. Позднее я тебе помогу с деньгами.

Будь здоров, Вена. Желаю тебе успехов. Твори!

Владимир

Благовещенск

29 сентября 1962 г.

Только что был Фотьев. Ему стихи в газете твои понравились.

Вена! Сто приветов тебе! От всех!

Я давно тебе не писал и вовсе не потому, что было лень – занят был.

Как только получил твои стихи, отпечатал стихов 15, один экземпляр отдал в издательство, другой – в комитет по радио. Знаешь вот так. Куштин взял все 10 отобранных мною стихов и подготовил их к выпуску, там было 380 строк. Поставил он мне передачу на 12 декабря и уехал в командировку. А гад Устюгов зажал передачу. Ругаться я с ним не пошёл, но я ещё до него доберусь. Хотя он определённый дурак и долбить ему башку бессмысленно. Не знаю, Вена, что было дальше, ибо я на неделю уехал с Фотьевым в Хабаровск, в Союз писателей. Там обсуждали мою книжку.

Обсуждение было очень хорошим, хвалили и ругали, но больше хвалили – вполне доказательно. Выступала Юлия Шестакова, Агишов, Александровский, Халов и другие. Халов прочитал мою новую повесть и сказал, что это здорово и что он хоть сейчас готов дать мне рекомендацию в Союз писателей. Осталось мне дописать одну главу и четыре новеллы. К 15-у января сделаю.

Дедов прислал договор (по 300 руб. за лист). Кажется, он сдержал своё слово.

Вена, очень тебя прошу написать мне о своей жизни подробнее – не скупись. Я очень плохо представляю, как ты живёшь. Как твоя учёба? Слышал, что Лит. институт закроют. Правда? Если нет, то ты обязательно переходи на очное. Обязательно. А то от такой учёбы толку, я думаю, мало. Хочется видеть тебя. Вот если начнут готовить сборник (твой), то будут шансы приехать сюда.

Я в журнале «Дальний Восток» договорился, что мы сделаем подборку стихов: твоих, Ерёменко и ещё кое-кого. Будет неплохо. Да? Если я пошлю твои и Ерёмина стихи Малиновичу на радио. Чёрт с ним, с Устюговым! В другом месте есть люди умнее.

Дома пока хорошо. Приехал дед Фома Лукич. Гостит.

Как закончу повесть, так напишу тебе – будет посвободнее.

Шлём тебе все привет. Меня принимают в Союз.

Желаем тебе всего доброго в Новом году! Рады мы – за тебя.

Пиши, Вена! Подробнее.

Владимир

Благовещенск

10 декабря 1962

Здравствуй, Вена!

За большое письмо – спасибо. Теперь я кое-что понимаю из твоей жизни. Обстановка, я бы сказал, у тебя стоящая. Главное, что ты трудишься в поте лица. Ну, а женщины – без них никуда не денешься. Только – ради бога! – не делай глупостей и будь человеком. Заруби себе, что жениться сейчас тебе не стоит. Залезь сначала на гору, на какую-то высоту, утвердись – потом и женись. Я понимаю, твои отношения чисто человеческие...

Только сейчас прослушал литературный радиоканал (местное радио). Твоих стихов дали пять: «Я шёл, шатаюсь...», «Введение в жизнь», «Степь», «Снег» и «На рыбалке». Два из них выпустила «Амурская правда» – хорошо, только испохабрили слово ... заменили «налимом». Плохо. Ну чёрт с ними!

Напечатанные стихи я тебе высылаю. Лушкин сказал (он против тебя ничего не имеет), что несомненно толкнёт остальные стихи (да ты ещё новые сам пришли – мне). Часть стихов дал в «Амурский комсомолец», так что кое-какой гонорар ты к концу месяца получишь. Всё-таки – небольшая поддержка. Я так думаю, что (радио и газета) рублей 50 тебе нарисуют.

Должно быть, в конце марта я буду в Хабаровске (на отчётно-перевыборном собрании писателей) и думаю насчёт стихов в журнале. Я советую тебе подобрать самые лучшие стихи (разных времён) и послать Дмитрию Исаевичу Малиновичу на радио в Хабаровск. Я ему говорил ещё в прошлый раз, и он будет рад познакомить слушателей с твоим творчеством.

Ещё можно будет подборку стихов напечатать в «Биробиджанской звезде». Эта газета дала на мою книгу (первую) рецензию – очень хвалебную.

Вена! Ты уж постарайся напечататься где-нибудь в Москве. Это и трудно сделать и легко, если напишешь хорошие, вполне современные стихи.

В коллективном сборнике твоих стихов идёт что-то 20 или больше. Это, брат, не плохо. Выйдет он во втором полугодии. Детский – раньше. Если наши деньги и будут тебе причитаться, то получить их ты сможешь только после выхода книжки. На тебя выслал аванс – 210 руб. Кое-что, может, останется.

Вена! Комаровой я книгу послал через новую нашу знакомую – Машу Гребенюк. Это хорошая девочка, она воспитывалась в Чаинском детдоме, окончила Томский мединститут и теперь работает заведующей аптекой в Райчихинске. Она разыскала меня, и мы с ней подружились. Славная девочка.

Любе книжку не посылал. Завтра найду книгу, надпишу и направлю тебе вместе с письмом. Пошлю тебе и вторую свою – «Ближний север». Пока она в продажу ещё не пошла, пойдёт в конце месяца. Ты её прочти. У меня к тебе такая просьба. Шундика я знаю по романам и повестям и читаю этого писателя. Ты передай ему от меня привет – как от дальневосточника. Скажи, что позднее я пошлю ему книгу с автографом. Да, о просьбе.

Скажи (как-нибудь поделикатнее) – в этом нет ничего плохого – Шундику: не захочет ли он написать о моей последней книжке небольшую рецензию? Для меня это было бы большой поддержкой: нам из провинции глас подать свой трудно. Я, конечно, его (Шундика) не прошу о рецензии, ты просто ему подай мысль – обрисуй, так сказать, и пр. Это и есть моя к тебе просьба.

Земляки должны помогать землякам. Шундик толковый писатель.

Потом – позднее – у меня к тебе будут ещё кое-какие просьбы: насчёт табачку, костюмчика Андриюхе (он большой и хороший парень), носков и лезвий. Но это после, когда я вышлю тебе денег.

В конце марта я буду должен уйти из издательства – опять работать. Если со мной заключат договор, я выйду из положения.

В Сибирь я хочу поехать в июле. Неужели ты не сможешь? Ладно, ещё над этим подумаем.

Племяши твои растут. Ребята славные. Андрюха – умный мальчик. Дай Бог им здоровья.

Ты, Вена, грызи науку. Если удастся – переходи на очное в этом году. Москва не надоест.

Позднее напишу тебе о моих дальнейших делах. Как что будет получаться. А пока – будь здоров и учись. Привет тебе от всех наших и от друзей! Напиши сразу и также толково, как в этот раз.

Обнимаю тебя!

Владимир

10 марта 1963 г.

Благовещенск

Здравствуй, дьявол ты этакий!

Ты здорово выдумал – ездить по земле свободно, видеть, что хочешь, говорить, с кем хочешь и быть довольным. Вижу в этом для тебя огромную пользу, только ты, брат, всё-всё записывай, вникай, изучай, собирай важное – пригодится. Заведи себе толстую-претолстую тетрадь и пиши, пиши. Но заклинаю тебя: не пей лишнего, ибо это всегда идёт во вред творчеству и здоровью. А среда творческая этим отличается. И вообще, Вена, будь до конца человеком здоровым; к нам всякая плесень не должна приставать: слишком много мы пережили и о жизни всё же имеем кое-какое понятие. Как человек, я оставляю твоё право на всё человеческое, но всякое хамство – гони от себя.

Будет здорово, если ты, собрав хороший материал о Есенине и его родных метях, о людях, которые сейчас живут на Рязанщине, и всё это по-своему приправишь, то есть напишешь толковый интересный очерк. А когда ты его напишешь – посылай куда хочешь. И в «Дальний Восток» можно, и в «Лит.газету», и в другие издания.

Словом, я за тебя рад. Действуй, Вена: я в тебя шибко верю. Будь умный (напиши в подробностях о своей необычной работе).

Я, Вена, ушёл из издательства. С 1 апреля – вольный казак. На душе – смутно. Много всё-таки гадких людей в нашем глухом городишке. И хотел бы пройти мимо них, да всё как-то не удаётся. Все эти Знаменские, Устюговы – дрянные людишки, мелкие, завистливые. По сути, закрывают дорогу в газету, на радио, а жрать-то хочется! Добро не берут, дерьмом завалились. Какую дрянь только не терпит эфир и бумага! И когда этой непроходимой халтуре конец положат? Видно, не скоро.

Вот я ушёл, а доходов у меня никаких. Но я всё равно выкарабкаюсь: сделаю новую книгу лучше прежних. Как ни будет мне трудно, а я пойду вперёд, шаг за шагом. И тебе я желаю того же.

Скажу тебе по секрету, что Томка повесть пишет. Пережитого у неё много и получается недурно. Даже есть вполне приличные строки. Я сначала отнёсся к этому с хохмой, а когда отрывки послушал, понял, что не прав. Работы, конечно, будет у неё много, но сам факт интересный. Копил человек в душе, так сказать, сдерживался, и вот решил выплеснуть. Закончит труд – я помогу ей (года через два-три) довести его до конца.

«Комсомолец» дал твоих два стиха. Был снова недавно в Хабаровске (ездил на отчётное собрание писателей). Сказали, что подборку стихов амурских поэтов готовят. Когда будет – точно не сказали. Ты давай хорошие стихи двигай в Москве. Это важно.

Вена. Я просил тебя (когда денег пошлю) кое-чего купить. Пока ничего не надо. Лезвия, костюмчики ребятишкам я достал. Курить(пока) бросил, но если ты сможешь, пришли к июлю доброго табачку-руно.

Привет тебе от всех, от ребятишек, от Тамары, от бабки Жени. Как учёба? Будь здоров!

Владимир

Благовещенск

20 марта 1963 г.

Здравствуй, поэт-студент!

И всё же я рад за тебя. Рад, что ты учишься. Не вздумай бросать. Надо, кончать. Бросать – привычка плохая.

Я знаю, что очный институт накрылся. Может, это и к лучшему. ВЛК тоже, говорят, неудачный год. Точно это или враньё? Узнай и напиши мне.

Вена! Хорошо, что журнал заметил меня. Хорошо, что там есть добрый человек. Хорошо, что он нам однокашник. Теперь дело за произведениями. Я думаю месяцев через восемь дать им настоящую повесть, хотя работать мне очень трудно. Сейчас, помимо всего, вынужден закончить с издательством договор на сборник очерков о селе. Для меня это – гора с плеч. Село я знаю плохо, и сельская тема меня не тянет. Вот послал «Горную дорогу». Много там просчётов. Не знаю, выйдет ли что с этим очерком. Ты, Вена, до 1 июля мне должен сообщить результат. Подходит ли им этот очерк? Напиши срочно, но очень им не докучай. Славно, что он сам попросил у тебя стихи. Дай самые лучшие – и старые и новые.

Да, Вена... Вот, значит, и закончить должен я договор на спасение очерка. Сколько заплатят, сколько дадут аванса – не знаю. Видимо, несколько – денег у них нет. Придётся мне у кого-то занять (под расписку)! Тебе денег я до 1 июля вышлю(50-70руб) обязательно и ты, пожалуйста, не артачься. В Сочи поезжай и пиши. Одолжи у кого-нибудь и поезжай. Никакой куртки мне не надо. К чертям всякое барахло! Найди ещё лишь нить-жилку 0.8-1 мм, белых блёсен 2-3 покрупнее – это для меня. Для Тамары – модную шляпку и шапку каракулевую или черт её знает какую – шитую, яркую, в общем. Стоит она рублей 5 или 6. Вот и всё. Да – ещё вкусных яблок ребятишкам.

Советую: пошли подборку новых стихов в «Комсомолец», «Амурскую правду», на радио – сюда и в Хабаровск. Это деньги не лишние. Не поленись...

5 июля я должен уехать на разведку слюды на Становой хребет. Буду там вкалывать – иного выхода у меня нет. Если заработаю денег, то буду с радостью работать над большой вещью.

Сейчас мы живём отвратительно. Денег нет, и мне тяжело видеть зыркающих ребятишек. Вот жду договора... Я тебя, Вена, благодарю за все хорошие сообщения. Меня долго не будет, так ты пиши Тамаре. Ей будет трудно: она остаётся одна с ребятишками. Дед Лях стал стар, болеет.

Да! Сказали, что сборник «в работе». Но скоро, я думаю, ждать его нечего. Волокитчина, знаешь, добрая. Тебе обязательно надо написать Гофману толковое, не сердитое, но с доводами письмо.

Вена. Пошли мне флакона 4 чёрных чернил. Только когда сдашь экзамены.
Будь здоров, Вена!

Владимир

Благовещенск
21 июня 1963 г.

Привет, Старик!

Ну, как дела твои, брат? Сдаёшь, обучаешься? Как бы тебе приехать сюда на лето? Мы все на июль-август уезжаем; хочу отдохнуть на Уссури и поработать ещё над повестью. Давай, а?

Ну, Смирнов рассказал тебе о нашем семинаре? Да, ничего всё, хорошо, можно сказать. Очень, очень надо мне знать, что думает делать с повестью «Октябрь» (журнал). От этого будут зависеть мои отношения с «Дальним Востоком» (журнал). Не надоедай, но проворачивай! Больше всего через А.Мороз действуй: она всё-таки нас уже знает. Может, даже есть смысл найти П.(Л?)Карелина. Если он большой стал начальник, то он здорово может помочь. Смотри, пошлю.

Тебя будет ожидать сюрприз. Твоё пальто отдали в химчистку, его перелицуют, укоротят и поставят новый подклад. За тридцать рублей будет у тебя новое, очень хорошее пальто. Ты по-студенчески проносишь его ещё три года. Это, я думаю, мы дело сделали.

Тебе на амурском радио за один стих начислили 10 рублей. Я дал твой московский адрес, получишь. Всё хлеб. Я с долгами ещё не расхлебался, хотя аванс получил – небольшой, 330 рублей начислили. Часть долга всё же погасил. Ничего, дальше дела должны всё-таки лучше пойти. Надеюсь...

Пиши, Вена! Желаю тебе всего! Волкова пишет, что ты им понравился. Увидишь её – расскажи как прошло общение. Она хорошая женщина, и ты потом можешь завязать творческую дружбу. Вот напишешь кучу хороших стихов для детей. А то и поэму! Твори! Мастак!

Жму руку, Вена! Жду от тебя сообщения.

Привет большой от всех!

Владимир

Благовещенск
23 июня 1964 г.

Вена! Здравствуй!

Сейчас получил твоё письмо...20 июля с Тamarой едем в Хабаровск согласно того плана, о котором я тебе уже говорил. Писать мне будешь:

Хабаровск, ул. Вокзальная, №5, кв.43

Клипель Владимир Иванович

(для Колыхалова)

Я тоже считаю, что тебе надо издать в Хабаровске сборник (хороший) в 1966 году. И я верю, что ты его издашь, если приедешь сюда, будешь жить и работать в Благовещенске, будешь учиться, будешь ездить в Хабаровск, познакомишься с кем надо...словом, мы должны этот сборник делать вместе. Ты понимаешь, о чём я. Значит, я бы тебе посоветовал сделать так. Ты посылаешь письмо на имя Уханова Павла Александровича и говоришь ему, что готов у вас работать (уж лучше иди в «Амурскую правду») с 1 сентября (а лучше с 1 августа) – да, да – с

1 августа, но что в сентябре тебе надо будет отлучиться на экзамены, напиши, чтобы они знали и не пугались, потому что ты – обещал им – будешь работать как следует. И просись не куда-нибудь, а в отдел промышленности, к Савченко. И деньги у тебя пойдут. Тем более, что тебе хватит прозябать, тут ты хоть деньги будешь иметь, будешь ездить, питаться соками дальневосточной земли. В общем, это вариант, который тебе надо непременно принять.

Уханову советую послать письмо-телеграмму, где изложишь всё кратко и умно. На телеграмму и ответ получишь быстро. Они тебя уже знают, у них сейчас «труба» с кадрами, они и меня просили и Фотьева пойти хотя бы временно поработать...

Действуй, Вена! Это надо во имя новой книги! Да и жить будешь со мной, а вместе воз легче везти!

Пиши.

Владимир

Благовещенск

17 июля 1964 г.

Привет, Братишка!

Рад услышать твой бодрый голос! Хорошо, что ты удачно сходил в тайгу. Я только вернулся с Севера. Будет новая повесть! По крайней мере, есть над чем работать зимой. Деньги твои, брат, пришлись кстати; их получили тут без меня, половину отдали сразу Фотьеву. Кстати, Фотьев и Серебрянников тоже уехали бить орехи. Не знаю, удачно ли съездят.

Как твои творческие дела? Получал ли ты наши гроши из Хабаровска? Если у тебя есть новые хорошие стихи, пошли их – часть – в «Амурскую правду», часть в радиокомитет. В газету посылай прямо Уханову или Саракасу (Леониду Филипповичу). А Уханов ...Павел Александрович...Давай, брат! Не лишним словом, ты сообщи мне, где продавался или печатался последнее время. Как Иркутское издательство?

Я опять буду повторять старое. Тебе надо к новому году двигать сюда и пробивать со мной вместе сборник стихов на 1966 год. Обязательно! Вдвоём и в Хабаровске мы это сделаем. Сейчас у нас появилась третья комната, должна быть со временем и четвёртая. Ты будешь спать на диване, так сказать, у меня в кабинете. В зале на кровать-диване будем спать мы, а дети и бабка – в маленькой комнате. Работать будем вместе, никто мешать особенно не будет. Я думаю, тебе стоит поработать на телевидении или в газете. Подумаем, где лучше. Между прочим, тебя с удовольствием возьмет (он говорил мне) Лепшин. Он тебя помнит и говорит, что с тобой ему работать было хорошо. Это был бы хороший вариант. Ей-богу! А газета и радио никуда не денутся. Да, да, нам ты не возражай, а тебе обязательно надо сюда. Кстати, я на лето могу тебя определить в одну из самых интересных партий, которая недавно нашла у нас колоссальные (12 миллиардов тонн) месторождения железа. Начальник – мой хороший знакомый, и он тебя с удовольствием возьмёт на работу. Это недалеко от Охотского побережья. Тоже вариант!

За орехи спасибо особое! Щелкал, щелкал, пока не набил оскомину. Вспомнил детство!

Живём мы неплохо, ребята здоровые пока. Жду, когда пойдёт моя повесть да получу деньги. К весне они обязательно будут.

Я уже решил подарить тебе хорошую пишущую машинку – поедешь в Москву и сам выберешь.

Пиши, не ленись. Ждём тебя с нетерпением!

Привет тебе от всех нас!

Владимир

Благовещенск

25 октября 1964 г.

Брат!!

Всё ждал тебя изо дня на день, а ты вот прислал второе письмо... Хотелось встретиться и поговорить, как следует. Я – уж поверь! – рад твоим письмам, и ты пиши мне почаще. За вырезки и бандероль спасибо. Как видишь, критика выдала мне большой «аванс» и я должен его отработать. С 25 сентября вплотную засел за роман, пишу в среднем по 8-10 страниц – это пока наброски; начал вырисовывать эпизоды, провожу плавные линии, обрисовываю характеры – иначе в большой работе нельзя: детали, яркие впечатления будут потом. За 8 дней плодотворной работы прибавил к рукописи 70 страниц. Буду весь октябрь потеть над «Дикими побегами», а в ноябре думаю существенно изменить повесть «Скажи в глаза всё».

Конечно, было бы здорово, если бы меня ждала Москва. Не обольщайся, но реальные шансы вроде бы к этому есть... А Соболев приврал – надо было ему дать «повесть», а не «рецензию». Но это ему простится.

Ты напрасно «оплакиваешь» свою судьбу. 30 лет, как сказала одна известная тебе женщина, цени этот возраст. А тебе только 27 и у тебя длинный рост, 4 курса литинститута, благородная внешность, блестящий жанр (всё хорошее и плохое, что ты увидел и увидишь ещё на стройке и вообще в жизни), сборник стихов – наших пока есть! – публикация в «Пионере» и ещё судьба сулит тебе выйти «коллективно» в Москве и издаться в Хабаровске. Чёрт возьми, да куда же ещё! Чего же ещё пока жалеть? Искать постоянно надо и не только жалеть, но и делать – прости за простую истину. И ты правильно пишешь, что надо подумывать и о творческом стремлении жизни. Я себе тоже это сказал: надо за что-то браться, а за что – мы знаем, теперь вопрос – как? Вот тут уже и надо искать свою индивидуальность.

Лежит передо мной книга Хабаровского издательства. Стоит там и твой «Гром», дана добрая оценка и тираж 150000. Это солидно и ты кое-что будешь иметь. Я же, брат, в ожидании. Сибирь сожрала у меня 500 рублей и Чита 100. А я всем этим страшно доволен, а с деньгами как-нибудь обойдусь, трудно обходиться без денег (вот гибкость и мощь нашего великого языка!).

Книга стихов твоих мне очень понравилась. Вообще о мелких деталях поговорим после. Ты всё же давай приезжай... Больше общайся с людьми и природой. Как там живут старички Безматерных? Передай им от меня низкий поклон, добрые мои пожелания.

Фтиня много рассказал тебе о Сибири, о её мощи, а писать – лень. Так не напишешь, как можно всё рассказать. Тебя здесь ждёт огромный арбуз, в который залито пол-литра спирта. Давно стоит. Сам я, знаешь, теперь не пью: в Чите позволял себе 150 на банкетах и др. встречах. Не больше. В Чижапке, Томске едва уламывали меня на полстакана вина или водки. Сказался там укушенным бешеной собакою. Была, как видишь, ложь во спасение. Зато как работалось,

отдыхалось, ты бы знал, Вена! А рыбалка...Боже! Приезжай, я тебе покажу фотографии со щуками. Позавидуешь...

Установил письменный контакт с З.А. Ждановой, но съездить не удалось, разве что в будущем. Я потом тебе о ней расскажу. Ты пошли-ка ей книжку и Сухушиным. Это радость будет для них. Я свои – послал.

В Томске Галка Демидович живёт, замужем, девочка есть, она сама инженер, что-то с атомом связано. Повырастали все, черти! Были страшно мне рады, и я им тоже.

В Усть-Чижапке есть аэродром. «Командует» им твой школьный друг Кирсанов. Тебя спрашивал. Так что будут приятно рады, если мы появимся там вдруг вдвоём. Это для нас задача в будущем поправимая. Я даже подумываю уехать туда месяца на три обрабатывать свои «романы». Обязательно!

Ну, кажется, всё написал. Нет, не всё! Приедешь – поговорим. Вырвись сюда с субботы на воскресенье + понедельник (в командировку).

Привет тебе от всех нас!

Обнимаю!

Владимир

Благовещенск

3 октября 1965 г.

Спасибо, брат, за выручку!

Зря ты не позвонил мне, Вена.

Я разговаривал с Рогалем, он, как я понял, весьма хочет опубликовать мою повесть, но просит оттянуть время выхода отдельной книги. Для меня полторы тысячи на дороге не валяются, поэтому сегодня направляюсь в Хабаровск для согласования этого дела с издательством, которое грозит выпустить повесть в апреле. Рогаль мне найдёт место в журнале лишь с 3-го номера.

Дальше. Был тут директор издательства «Молодая гвардия» Ю.Н. Царенко, как член бюро ЦК комсомола – приезжал на конференцию. На пресс-конференции во всеуслышание сказал, что собирается издать и меня. Для конкретного разговора вызывает меня в Москву в середине февраля: должна быть телеграмма от ЦК комсомола, направит наш обком, т.е. дает мне денег. Срок командировки от 10 до 15 дней. Как видишь, не дурно было бы! Будем ждать.

Дальше. Московское радио приняло моё выступление. Иду сейчас записываться. Если что выйдет, слушай передачи «Земля и люди». О Союзе конкретно пока ничего не знаю.

Дальше – это касается тебя.

Рогалю очень понравилась та подборка стихов, которую они дали в журнале. Он просто хвалит тебя, что с ним редко бывает. И правильно! те стихи у тебя хорошие были отобраны. Рогаль (Николай Митрофанович) сказал, чтобы ты ещё сделал такую подборку, и они ещё раз в этом году напечатают твои стихи. Вот и славно. Тут надо сделать так. Сейчас ты стихи ни в коем случае не посылай, а перед Москвой заедешь на 2-3 дня в Хабаровск и сам ему передашь. Заодно и очерк – тоже очень просил, но чтобы очерк был с весенним преобладающим колоритом. А в Хабаровск теперь тебе обязательно надо вернуться(фу, чёрт! не вернуться, а появиться!). Тебе просто надо «себя показать», посмотреть своих «врагов» и «друзей».

Вот такие дела, брат. А для «Дальнего Востока» у тебя можно ещё лучше стихи отобрать. Обнимаю! Пиши!

Владимир

Благовещенск

30 января 1966 г.

Здравствуй, Вена! Здравствуй!

И верно – никаких гвоздей! Едем мы нынче на рыбалку. Это будет великая радость, счастье – уж ты поверь мне! У меня уже и сейчас слюни сладкие подступают к горлу, как представляю, куда мы там поедem, что будем делать. Сдавай экзамены и – вперёд. Поработаем здесь ещё годик, начну писать вторую книгу... Тамара и дети тоже присоединятся к нам.

Итак, я тебя жду здесь. Возвращайся скорее, оформляй отпуск, получай кое-какие деньжата, и мы в начале июня двигаем. Да будет счастлив этот день... А повесть свою ты, может быть, даже там доработаешь – я беру с собой машинку.

Хорошо, что ты сообщил мне приятную новость от Авраменко. Только я от них пока ничего не получил. И ещё – узнай обязательно (зайди уже сам, познакомься!), прочитаны ли ей все три повести? Это – важно.

Но важнее всего – подробности о романе. Всё и у всех разузнай, пожалуйста.

Да, с курсов я получил ответ, что набор будет теперь лишь в 1967 году. Поэтому я и пишу тебе, что впереди – Сибирь! Ах, как я буду ждать твоего возвращения, чтобы – наконец-то – осуществить давно задуманное. Ты с нашей поездки может тоже вернёшься богатым!

Напряги все силы, переходи на 5-й и получи эти 50 дней. Заклинаю тебя!

Друзьям от меня – сердечный привет. И славно, что всё «по-старому»!

Давай, Вена. Пиши! Возвращайся. Подумай над тем, как нам быстрее бы собраться и уехать. Но – это было бы чудо. Жду тебя страшно, и поэтому только не еду. Хочу, чтобы мы с тобой вместе всё посмотрели!

И посеem мы там с тобой доброе семя!

Обнимаю!

Владимир

Благовещенск

15 мая 1966 г.

Здравствуй, Вена!

Из стихов, присланных тобой, есть удачные. Почему не дали подборку на радио? Так разве тебе не ясно? Там сидит дурак Устюгов. Этим сказано всё. Он держит главы из моего романа вот уже два месяца. Я на собрании журналистов нашвырял ему от души под рёбра, за это его сильно ругал Курбышев, а он хоть бы что. Главы опять лежат, а мне нужны деньги.

А тебе надо желательно рассчитаться с долгами и накопить сумму, чтобы к будущей весне «быть (неразб.)»

На дураков обижаться не надо: их надо убивать. Убивать своими успехами!

Вчера я получил телеграмму из Новосибирска.

«Роман нами одобрен для будущего года,

Договор вышлем в сентябре-октябре,

Рецензионное заключение подробности авиапочтой

Привет – Сиботин и Смердов»

Вот так. Думаю, это не так уж и плохо. Ещё не решил вопрос, поеду ли я в этом году в Приморье. Если ехать, то сейчас, а позже уже будет нельзя.

У меня опять к тебе просьба: просматривай «Лит.газету», «Лит.Россию», «Комсомолец». Может что напечатают.

Пиши. Будь здоров! Привет от всех нас.

Владимир

Благовещенск

25 августа 1966 г.

Здравствуй, брат дорогой!

Спасибо, что так быстро сделал мои дела. Я рад, что так дела идут – это важно для нас всех. Жаль, конечно, что не могу прислать новую редакцию романа.

Сегодня должен был лететь в Новосибирск, подъехали к самолёту на автобусе, а потом нас вернули – отложили полёт на сутки. Не знаю, улечу ли 17. Будем надеется.

Как приеду в Новосибирск, так сразу постараюсь достать денег. Мне выслали 500р. И они сразу тут же вылетели в трубу. Но это все к чему: денег я достану и пошлю тебе числа 20. А пока – терпи. Может быть, 25. Но это самый крайний срок. Деньги пошлю на главпочтамт. Имей в виду.

Здоров ли я? Ничего не нашли, не поняли что это. Крепко я их поводил и спутал им все карты. Сейчас лёгкая слабость, пью капли в астрономических дозах. Пить нельзя. Состояние так улучшается, зато голова мутна от таблеток. Но ты об этом в письмах меня больше не спрашивай. Ради бога...

Деньги я перешлю, ты жди. Моё – оставь для меня, а что для неё – отнеси и передай (её тел.96-4-78). Только о ней – ни звука.

Я, как сделаю свои дела к 18 числу, так, наверно, поеду по Д.В. «Тихоокеанская звезда» (редактор) предложили мне съездить в какую-нибудь командировку. Посмотрим...

Татьяне Борисовне – привет сердечный. Скажи ей, что письмо её меня очень восхитило, и я, пожалуй, 7-ю частушку поставлю в роман.

Как выберусь, так всем напишу им.

Набирайся новостей, потом расскажешь.

Напиши на главпочту Новосибирска. Жить я буду, кажется, в гостинице «Новосибирск».

До встречи, брат!

Обнимаю!

Владимир.

Благовещенск

16 октября 1966 г.

Вена!

Ты молчишь, видимо, не потому, что на меня в обиде, а потому, как думаю я, что работаешь. Я тоже работаю и дело моё на первом этапе, так сказать, продвигается: осталось написать 3 главы. И тогда все можно начинать сначала.

У меня опять к тебе старая просьба: нужно рублей полста. Работа моя скоро должна пойти в типографию и тогда мне кое-что пришлют...

Пошли, ради бога, на дом, переводом. Буду тебе обязан. У меня есть кое-какой гонорар, но мне его выплатят лишь 7-8 февраля, а мне срочно надо отдать долг.

Ежели у тебя сейчас нет ничего, то я подожду до 30-31 января.

Да, в связи с тем, что студия телевидения будет делать обзор журнала «Д.В.» а там будут твои стихи, то им надо чтобы ты выступил. Это будет в феврале, когда – я тебе сообщу дополнительно.

Привет твоим друзьям!

Привет от нас всех!

Владимир

26 января 1967 г.

Вена – привет!

За книги – спасибо! Что у меня оставалось – опять половину раздал: ездили с Фотьевым по заставам. Рыбачили, но рыбы не наловили. Пустой нынче Амур, даже ни одной рыбки не поймали. Ни одной! У тебя там с рыбалкой будет лучше – на Бичихе. Клипелев Лёшка там покажет тебе места.

Денег я до сих пор не имею, но жду со дня на день и из Новосибирска, и из Хабаровска (Кирюхин уведомил меня, что составляет договор на две книги и высылает аванс; пусть будет так). Как появятся у меня деньги, так я pošлю тебе ещё рублей 30-40, а ты мне сделай хоть пару (неразб.) – достань, где хочешь – в Новосибирск послать надо!

Это мне надо решить до 5-6 мая, так как я в это время уже собираюсь в Москву. Не знаю, за границу вряд ли доведётся...

Напиши подробно о своей жизни, работе, о своих впечатлениях. С кем встречался и о чём говорил? Что обо мне там лопочут? Как встретили роман?

Привет всем ребятам – я скоро им напишу письмо.

Жму руку!

Владимир

Благовещенск.

26 марта 1967 г.

Вена!

Я только что вернулся из путешествия по Амуру и сразу же послал фотографии – и твои, и свои (что были у меня о Зее). Только не беспокойся.

Работы у меня опять много, а остался я один. Тамара по делам будет во Владивостоке и в Москве.

С курсами дело такое: 100 на 40 мест. Не знаю, выгорит ли дело. Нужна мощная поддержка. Я тебя прошу лишь зайти и узнать, какое мнение у комиссии о моих книгах. Сейчас там читают, а потом будут «благословлять». Думаю, получится.

Посылаю свой роман Шолохову. Напиши, как долго ты будешь в Москве?

Всем привет.

Твой брат, Владимир.

Благовещенск.

10 июня 1967 г.

Вена!

Ты правильно решил, что после Москвы поедешь в Усть-Чижалку, вообще на Васюган и Обь. Я думаю туда наведаться (если ничто не помешает) со всей семьей числа 15 июля, или даже 10. Без этой поездки я не закончу вторую книгу, а её в «Сибирских огнях» уже ждут.

О фотографиях. Я и подписи к ним сделал, всё как надо. Не беспокойся. Взял твои вещи от Чечулиной; они у меня.

Просьба такая: вышли штук 8 лент для машинки – у меня тут крошки, а мне надо.

На ВЛК можешь зайти, узнать, а можешь не ходить. Сам решай... Я послал роман Шолохову. Если бы он прочитал и ему понравилось... Я на курсах ему писал...

Держи со мной связь. Мы должны нынче съездить в Сибирь по делу.

Обнимаю!

Твой брат Владимир

Благовещенск

24 июня 1967 г.

Привет, Старина!

Получил от тебя сразу два письма. Ей-богу, завидую тебе немного – на бойком месте ты живёшь! Только умей приглядеться, умей выхватить важное, интересное. Не живи, как жил в Зее. Работай, всё записывай, вдумывайся. Ты должен иногда видеть хорошую повесть. Заряжай себя на большую работу сразу. Газета – хорошо. И деньги – ничего. Держи впереди главную цель, и всё будет тебе достижимо. Материал, что в газете, сам по себе хорош. Вот и делай также всегда – газета будет рада. Не ленись. Делай, делай книгу!

Очень хорошо, что ты не пьёшь. Я – тоже. Если я чего-то не захочу, хрен меня совратишь. Только сегодня начал работать, а то все договаривался. Ничего себе обосновался. 211 комната довольно тихая. Тамара тоже здесь, но живёт у себя, в МГУ. Помогла мне оборудовать «фатеру».

Были у Вьюковых на даче. Хорошо у них. Да, ведь я ехал поездом, Россией! Вещей много, и машинку вёз. Опоздал на 2 дня. У нас 3 дня творческих. Это уже дело. Но работается в Москве хуже, чем в Благовещенске.

В Новосибирске А.Смердов и Л.Решетников приглашали меня в ресторан и выпили первый тост за то, чтобы я после курсов приезжал в их град. Квартира, сказали, будет. Это – дело. Нам надо всем собраться на Обь.

В «Лит.газете» за 30 авг. была славная (с пониманием) рецензия на мой роман. Илья Лавров написал. Где попадётся газета, забирай и мне сюда: я ни одной газеты не купил – их тут расхватывают, и в киосках они не залёживаются.

А что делать с ботинками? Они тут есть – сам видел, по 45 руб. А даже у меня ровно шиш: на две семьи жить трудно. Присылай – куплю и вышлю. А может, ты доедешь до Москвы и сам найдёшь?

Рыбки – вези, будем рады. Тогда и гульнём малость.

Пиши мне чаще. Я потом напишу тебе подробнее!

Обнимаю!

Владимир

Москва

5 сентября 1967 г.

Здравствуй, Вена!

Думаю, нет нужды предлагать мне в программе рассуждения по поводу того, что вышло между нами, тем более, что – как я понял – ты почти отрицаешь все разумные доводы, как бы мягко или грубо я их не высказывал. Я остался при своём глубоком убеждении в правильности своих слов и мыслей, и только жалко, что тебе их не должен высказать. Но – да бог с ним.

Письмо твоё прочитал с удовольствием и порадовался за то, что в Кемерово вышел сборник, где есть твои стихи. Но здесь, так сказать, мы «начитались вдоволь» земного своего труда, теперь надо стремиться к будущему и новым нашим успехам!

Не могу с тобой согласиться, что «Ночь...» оформлена плохо. Это самая удачная моя книга в стиле оформления. Здесь добавить нечего.

Был бы обязан и рад, если бы ты сделал сообщение в местной газете о моей книге (дал рецензию) и о том, как она (книга) идёт в магазине, сколько экземпляров было заказано и сколько реализовано.

В Сибири я шибко потратился (500руб.), и потому в средствах опять стеснён. Так что прости, тебе послал денег мало...

Будет когда – всегда буду рад выручить. Но вся надежда теперь на роман. Получил ещё одну рецензию – от товарища Ф. Таурина¹. Рецензия страшно хорошая. Теперь, если издадут до лета, то можно считать дело сделанным. В Хабаровском издательстве главный редактор тоже самого доброго мнения о рукописи. Мною проделана большая работа и над романом, и над одной из двух повестей, которые ушли в «Молодую гвардию».

Сейчас только занят рыбалкой и грибами. Ловил тайменей (один на 10 кг), собрал грузди (10 ведер). Видимо, ещё предстоит поездка в Приморье (дней на 20).

Собирай в будущем деньги – съездишь в Сибирь и до меня. В Усть-Чижапке тебя ждали. Чуть не прослезилась, когда узнали, что тебя не будет.

Пиши. Тебе выслать твои вещи?

Жму руку!

Привет от Тamarы, от ребяташек.

Владимир.

1968 г.

Вена, привет!

Ну, вот, брат – и ты меня выручил. Спасибо. Только я что-то не помню – разве я тебе писал, что сижу без денег? Наверное...

Значит, ты скоро приедешь? Добро. Возобновил знакомство с одним тут мужиком из магазина одежды, куплю у него второй костюм себе и договорюсь, чтобы тебе оставил, когда ты сюда приедешь. Купим что-нибудь и для Светланы.

Как моё здоровье? Поправился. Но душа все страдает. Скорее бы уж совсем свалить отсюда, отрешиться от всего, отдохнуть, да и начать новые вещи. Задумал написать две небольшие повести – плотные, смелые и взрывчатые. Но

---

¹ **Франц Николаевич Таурин** (1911-1995) – русский советский прозаик, автор произведений и историко-революционных романов. С 1965 в Москве, секретарь Союза писателей РСФСР (до 1970).

начать пока не могу, хотя в душе давно уж пишу их. Не могу потому, что вполне не свободен...

Был (звали немногих) в Кремл.дворце съездов на вечере 100-летия М.Горького. Хорошо встретил Леонов. Было правительство...

Приехал Кирюхин – тут совещание у них. Послезавтра приедет сюда к нам. Роман мой он велел не ставить, говорит, что и так меня издаст, пусть, мол, только в «Молодой» выйдет. Накладно. Ждать надо опять...

А у тебя скоро выйдет книга? Сразу пришли. Затеял ли отношения с Тюменью? Напиши о своей работе в газете. Что за жизнь там у вас идёт? Хорошо бы увидеться летом, но не знаю ещё, как всё получиться. Я хочу отдохнуть летом с семьёй, детьми, да и – порыбачить. Без работы я тоже лето не выдержу...

Сюда поедешь когда, может, прихватишь немного копчёной, вяленой рыбы обской. Если такая тебе попадётся... Впрочем, не беспокойся! Давай приезжай и заканчивай свой институт. Это будет твоя главная победа...

Сердечный привет Светлане! Обнимаю!

Владимир

Москва

4 апреля 1968 г.

Добрый день, Светлана и Вена!

Брат! Ну, получил я диплом, медаль и премию, а как получил, так сразу улетел в Новосибирск, откуда тебе и пишу это коротенькое письмо.

Дело в том, что «Сибирские огни» дают продолжение в 9 номере, срочно меня вызвали, посадили и вот я готовлю им рукопись к сдаче в набор. Неделя сроку и – вперёд! Замечаний немного. И 28 июня всё надо сдать. Устал, но пишу – надо!.. Я частенько подумываю над тем, что у серьёзной литературы покоя нет – и радости! Я уже чувствую, как этот поток захватывает меня, не даёт продыху. Видел бы ты, как набросились на меня журналы после вручения премии! Дай роман, дай повесть. А где взять? Решил для себя раз и навсегда: буду работать много, но не торопясь. Только так! Не загонять себя и не рвать жилы.

Что у вас там? Пиши мне домой, и 1 июля хочу отметить дома...

Желаю вам всех благ и труда!

Обнимаю!

Владимир

Новосибирск

22 июня 1967 г.

Здравствуй, Вена!

Не писал тебе давно – и в отпуске некогда. Сегодня мы(приехали все Гроховские) уезжали на Белую, 6 рюкзаков набили битком (неразб.). Хотим пожить недельки две на берегу, порыбачить. Давно охота тихого уединения...А в августе снова сяду за стол, буду продвигать одну начатую повесть. Хочу приехать в Москву с готовой работой...Надо будет ещё написать и очерк. Ты видел в «Правде» за 14 июля? Дали в урезанном виде, правда. Но я доволен, что поездка в Нарым не прошла для меня даром. И перед сибиряками чиста совесть.

Как идёт жизнь у вас со Светланой? Как там в Тюмени? Здесь дикая жара (40 в тени бывает), дышать нечем. В Амуре вода как молоко парное. Купаюсь... Грибов ещё нет. Но – видно – скоро пойдут.

Был тут Кирюхин. Говорил, что, возможно, в этом году они тебя выпустят с детскими стихами. А возможно и в будущем. Когда бы ни выпустили, лишь бы выпустили. Кирюхин тоже остался доволен твоими очерками. Давай, дерзай, Брат!

Желаю вам со Светланой здоровья и благ земных!

Обнимаю! Привет от всех нас.

Владимир

Благовещенск

17 июля 1968 г.

Здравствуй, брат!

Давно не писал тебе – некогда было. Занятия, беготня, и тут в Вильнюс пришлось ехать – в командировку. Выступал там на открытой выставке молодёжных книг. Поездка вышла занятная, с большой для меня пользой. Потом расскажу...

Тебе, наверно, интересуют мои дела. Кратко. «Р.Г.» собирается заняться мной в новом году. Посмотрим. Я в этом смысле стал очень спокоен: будет так будет, не будет – тоже печали нет. Но, верно, будет (читал в «Правде» статью Петелина от 14 июля?). Жду корректуру из «М.Гв.», пока её нет. Это худо, т.к. заняться выходит и нечем. Но... Предисловие (короткое) послал С. Замятин, и то радуется.

Дальше. Собираюсь ехать в октябре на месяц вокруг Европы (5 стран). Купил путёвку за 900 р. Хорошее дело! Но собираться-то собираюсь, а будет ли выезд? Положение в мире нестабильное и можно всего ожидать. Но и не стоит волноваться на этот счёт. Посмотрим.

На днях звонили из одного журнала (пока не скажу). Разговаривал со мной редактор, предлагал зайти, чтобы посмотреть на меня как на возможного... будущего члена редколлегии. Об этом редакторе я слышал и уважаю его. Забегу в понедельник. Скажу тебе имя этого человека – Сергей Викулов. Он из Вологодских, а в Вологде – ей-богу! – есть хорошая русская литература. (Читай В.Белова «За тремя волоками»)¹.

Вот так я и живу. Погода в Москве грустная – сырость, туман, дождь. Пасмурно... у вас неудачное время для путешествия, но ехать вам надо. Я хочу вас очень видеть и это возможно: до 18 октября я никуда не уеду. Тебе обязательно надо(если возможно) узнать адрес тех ребят из Прибалтики, которые жили раньше в Чижапке. Это поможет вашим делам в Риге. А ехать так... тоже можно, но трудновато будет, там всё же на нас косятся, имей ввиду. (Правда, в Вильнюсе я этого не почувствовал, но там у меня и миссия была иная). Но я вас жду и жду!

Влез с головой в одну небольшую повесть. Ежели дождю, как она задумана, то опять прозвучу... Всё больше убеждаюсь, что надо жить в постоянном труде, как я жил до сих пор. Всякие расслабления и праздность вредят, являются смертельными для писателя.

---

¹ **Василий Иванович Белов** (1932 – 2012) – русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы». Главные произведения: «Привычное дело»(1966), «Плотницкие рассказы «(1968),»Кануны» (1972-87), «Лад. Очерки о народной эстетике». (1982).

Рад, что ты собираешь материал для повести. Собирай и думай, что ты хочешь сказать своей работой. Ставь задачу серьёзную и решай её литературно самобытно и ярко. Фотографии просто избегай. Народ везде, жизнь везде, везде своя судьба и радость – ты вбирай лучшее. Желаю тебе успехов в труде. Твоё и тебе должно прийти, но ждать этого своего не надо – надо искать в работе изо дня в день.

Извини, что чуть назидательно, но это я от души так-то...

Пиши чаще, не ленись. Рад приветствовать вас обоих! Обнимаю.

Владимир

Москва

14 сентября 1968 г.

Добрый день, Вена, Светлана!

Уехали вы куда-нибудь или всё ещё там, в Сладково? Посылаю письмо на старый адрес: авось вы ещё в прежней роли, на прежнем месте...

Писал ли я вам, что я здесь с Андреем? Привёз его показать врачам со всех сторон – ничего пока, слава богу, только хроническая ангина... Пристроил, с помощью друзей, его в детский сад под Москвой. Кроме субботы и воскресенья он там.

Писал ли я, что закончил работу над повестью? Нет, не совсем закончил, но... это уже будут какие-то доработки. Ставлю на обсуждение у себя на курсах и посылаю в журнал.

Вышла моя книга. Оформлена хорошо и издана тоже. Я – доволен. Вот надо оставить мне в лавке писателей 30 экземпляров, буду рассылать по друзьям и вам отправлю. Сообщайте сразу свой новый адрес.

На Оби нынче будет большая вода. Значит, и рыба будет. Не знаю, смогу ли выбраться в этом году в Сибирь. Не знаю также, удастся ли порыбачить летом на Амуре так, как в прошлом году. Китайцы недружелюбны, и всё становится сложно. Но – ничего однако: надо будет, побьём, а побитые они смиренные (по старым-то временам знаем, что они за воины).

Пишите. Вырезку из газеты от вас получил, спасибо. Если где попадётся что-то такое ещё, не поленитесь послать.

Желаю вам благ всех! Обнимаю... Неужто я не поздравил Светлану с праздником в марте? Засуетился, не помню уж точно...

Сердечно – Владимир.

Москва

15 марта 1969 г.

Дорогой брат!

Давно тебе не писал, давно... Не знаю, с чего и начать...

Несколько дней подряд все жили под страхом: смогут ли спасти Андрюху – он ведь у нас тяжело заболел. Прилетела Тамара с Ириной, встретились, посидели в моей комнате за столом... Андрей что-то пожаловался, что у него «сердце стучит». Мы не обратили внимания, отправили его утром в садик, а он уже был болен. Дня три в садике ещё никто не обращал на него внимания, а он всё ныл и ныл... Послушали, а сердце бьётся 300 ударов в минуту. На скорую – да в больницу. Применили все известные средства, но ритма нормального вернуть не могли. Повезли его в кардиологический институт им. Мясникова, и там под машину сразу, под дефибрилятор (есть такая умная машина; их по стране пока

всего несколько). То, что проделали с нашим Андреем, ещё не делали у детей в стране совсем. Подготовили, дали ему высоковольтный разряд на сердце, уже когда он синеть начал. Могло получиться, могло и не получиться. Шли на риск... Слава богу, ритм ему пока восстановили; лежит сейчас в Русаковской известной детской больнице, в отдельной палате, с матерью. Оказывается, его тахикардия (а она была у него ранее) может вернуться. А это уж совсем не дай бог. Ну, будем надеется на лучшее. Теперь он и мы во власти времени...

Писать много об этом не могу да и незачем, только во всём этом есть одна странность: он был здоров, я его тут обследовал в местной детской поликлинике. Говорят, также может случиться и со здоровым человеком.

Вообще, год активного солнца дал жизни взбучку! Португалов скончался от сердечного приступа; Астахов едва выкарабкался после инфаркта; лежит в больнице с сердцем, Ишутин полуживой. Ушли многие люди из жизни в Благовещенске... Так что, друзья мои, берегите свои сердца от всех возможных напастей.

Как вы, друзья, живёте? Пришла ли весна в тундру? Пишите.

Я был в Новосибирске, сдал в восьмой номер «Сиб.огней» одну повесть. Если напечатают в том виде, в каком удалось мне её отстоять, то, слава богу, рад буду. Проследи за этим делом.

Тираж книги ещё не вышел. В Новосибирске переиздание делают.

К повестям (уже и сдача в набор почти готовы) придираются в «М.Г. «за начальников...»

Собираемся ехать домой в конце июля, если с Андрюхой всё хорошо будет...

Будьте здоровы со Светланой! Обнимаю.

Владимир

Москва

3 июля 1969 г.

Здравствуй, Вена!

26 мы приехали в Благовещенск поездом. Дорога была утомительной, особенно для Андрея. Состояние его пока ничего себе; держим всё время под наблюдением, гуляем и пр. Ни купаться, ни загорать ему в этом году нельзя. Надеемся, что время поможет нам...

Книга твоя меня порадовала. Поздравляю... Не задолго до моего отъезда из Москвы я получил письмо из журнала «Дальний Восток», в котором меня просили сообщить твой адрес. Я им твой адрес послал. Видимо, там что-то твоё напечатали и хотят послать тебе деньги. Или ещё что-то...

На днях поеду в Хабаровск в командировку. Побуду там дней 10, вернусь, отдохну, да и пора за новую работу садиться.

Повесть в журнале читайте.

Книгу высылаю – в Новосибирске уже вышла, тираж дали раньше, чем в Москве.

Меня огорчили некоторые стороны твоего письма. Тебе давно пора окончательно решить дело семейное и воспитывать сыновей – дочек. Продолжать надо род свой – это одно; а другое – ты много теряешь, не испытывая чувства отцовства, теряешь как человек, как личность... В этом смысле погляди хорошо на Левина из «Анны Карениной». Пора бы тебе уже бросить это своё легкомыслие. Я его в корне не одобряю. И дело тут вовсе не в ревности кого-то к кому-то...

Комаров не бойся... Или это надо понять как причину для нового (и обдуманного) настроения?

Рыбачишь? У меня нынче лето в трубу пролетело. Нельзя ли надеяться получить от тебя доброй вкусной рыбки?

Не обижайся, что забыл поздравить – замотался с делами. А когда вспомнил, было уже поздно.

Привет сердечный Светлане.

Обнимаю! Владимир

Благовещенск

30 июля 1969 г.

Дорогой брат!

Наконец-то я нашёл время написать тебе подробное письмо о своей жизни.

В кратком письме я не говорил тебе, что мы тут похоронили бабуку. Умерла Петровна наша совсем неожиданно и не по времени (хотя умирать всегда не по времени). Подробности описывать тебе я не буду, только скажу, что похоронили её хорошо, все по чести. Случись это раньше, скажем, года три назад, я – при тогдашнем своём безденежье – не знаю, что бы и делал. Родиться легче, чем отправить человека туда, где «вечный мир и покой». Но теперь у меня кое-чего есть на чёрный день, похороны были большие и обошлись мне в семьсот с лишним рублей.

На этом мрачные дни нашу семью не оставили. Недавно, совсем неожиданно, скончался муж Иды – Валентин. Ты знал, конечно, его. Ну, бывало пил, буйнил, а так жизненный был мужик. Так было ему 43 года, что ли. Тамара уехала хоронить, а я один с чадами дома: и повесть пишу (начал одну), и обед готовлю, и чистоту дома держу, и детей в школу выгуливаю. Можешь представить, какво мне. Но – странное дело – работается лучше, никакой праздности, и даже много читать успеваю... Дал бы Бог сломать мне хребтину этой новой повести, а там я её доконаю. Доконаю и начну следующую, ведь нельзя в нашем деле расслабляться – уходить на большие каникулы или часто одурять голову хмелем. Дай бог, чтобы работалось.

Да о смерти бабки Андрей не знает и дед тоже. Дед так плох, что не долго протянет – ему 85 скоро. А Андрей был любимый внук у бабки, и сам он бабуку любил. Сказали ему, что бабуку отправили в Сквородино к деду (дети на время похорон были у Серебренниковых); а он, Андрей, купил связку крупных булавок, носит их при себе и собирает их вручить бабке, когда она к нам вернётся. Поступок простой, а по-человечески очень трогательный. Ирина ко гробу была допущена и с бабушкой простилась.

Теперь я перейду к более светлым событиям. Светлым днём считаю получение вашей посылки. Ты знаешь, Вена, как я люблю рыбу! Когда её долго нет, я начинаю болеть. Жму тогда на селедку, если нет ничего другого. На Амуре с рыбой стало страшно паршиво. Одна морская. А сам я нынче съездил на рыбалку неудачно. Ну, не время, может быть...

Твоя посылка во всех отношениях была хороша. Особенно всем по вкусу пришлась сардинелла. Я её в жизни не ел, а тут просто она пошла нам во благо. Я так благодарен тебе за посылку. О деньгах более заикаться не буду, брат, не обижайся. Если что в следующий раз в этом сезоне промелькнёт, то... давай (неразб.).

И чуни твои прекрасны. Носят их все, кроме меня. О мехах вообще-то подумай. Пришли горностаев с десяток (даже невыделанных: я сам могу – я ли тебе рассказываю?) Горностаи давно Тамаре обещали, да как-то я их в Сибири не смог достать.

Книгу(московскую) ты получил, надеюсь. И повесть прочёл. Славно, но тебе понравились какие-то отдельные картины (из первых, как ты говоришь, глав). Но дело не в этом. Посмотри на неё с многих сторон – она того стоит. О ней, впрочем, говорить я не буду, но говорить, видимо нужно.

Читали ли вы занудную статью в восьмом номере «Нового мира» обо мне? Написана с дурным духом и во всех своих примечательных местах направлена, против русского духа и слова в литературе. Призыв – сказать обо мне, что многие мои страницы написаны «по законам религии». Вот где продавили, брат, меня. Но целиком «сожрать» эта И.Брилева меня все же не может, поэтому и вынуждена высказывать негативное отношение к роману. Что ж, я смелый и знаю, что им я не по зубам.

В конце года должен буду ехать в Москву, если съезд не перенесут дальше. В Хабаровске меня избрали делегатом, еще когда я был в Москве на курсах. Хоть в Хабаровске тоже на меня ворчат, но признавать вынуждены.

Писать о благовещенской жизни мне реально нечего. Земное болотце, пока тишина, а зимой поглядим, каким ветром с той стороны подует.

Горбатенко вконец забила баба, и к нему никто не ходит, мне страшно жаль. Недавно позвал его и отдал ему один свой хороший костюм. Он даже напугался, не хотел брать, а потом, видно, решил по доброте душевной. А мне невыносимо видеть его замызганную старую фигуру. Боюсь только, что баба его продаст этот костюм на толкучке раньше и деньги пропьет, как пропила недавно куль картошки... И ещё боюсь, что со своим – нагулянным в лагере сыном – они его когда-нибудь убьют, как они (сын и мать) чуть не зарубили его топором однажды.

Фотьев по-прежнему анахоретствует, и я не держу с ним никаких связей. Хотя дал недавно – с большим авансом – рекомендацию в Союз. Может, примут.

Посылаю тебе редкую (недавно мне прислали из Сибири) фотографию. Тут вся наша сосновская школа. Я во втором здесь классе, ты – в первом. Мы стоим в верхнем правом углу. Ты – такой куличок, выглядываешь из-за моей спины. Да, брат, это волнующая фотография. Взглянешь – и вся жизнь перед глазами встаёт. Жаль, что ты был мал и мало что запомнил из того времени... Посмотри хоть, как одеты-то, Вена! Учительница Татьяна Яковлевна (три белых пуговицы видишь?) разыскала меня. Она в Томске, хочет многое мне рассказать. Может, по дороге в Москву, домой, заверну на денек-другой в Томск!

Пишите мне добрые письма. Обнимаю тебя и Светлану, желаю добра и радости. От всех нас душевный привет.

Владимир

*Благовещенск-на-Амуре
23 октября 1969 г.*

Дорогой брат!

Наконец-то ты объявился... Пожалуй, ты прав, что так порешил. Но это тебе наказание за глупые увлечения. Уж увлекался бы стоящим. А там, где мелко, искать нечего. Помогай воспитывать, коли так. Это – долг, от него никуда не уйдёшь...

Тебе надо приехать в Томск. Можешь жить у меня на даче – в Богашево, в чудном месте среди кедров. Поможешь мне дом достраивать, который сожрал меня с потрохами: вложил уже семь тысяч, и ещё вкладывать придётся. Купил новую мебель, материалы – и все сбережения мои улетучились. Но ни о чём не жалею. Работать, работать надо.

Поселили меня в новом доме на Чуйской улице, 7, кв. 120. Телефона пока ещё нет. Четыре комнаты, но тесновато. Через год-полтора, может, будет получше.

Пока всё нормально у нас. Дети в школу идут. Тамара успешно защитилась в июне (Владивосток) и будет работать старшим преподавателем в университете.

Сам я отправляюсь 5 сентября (а может, 7) в родные места, проживу там недельки три. А потом – ярмо на шею, повесть срочно дописывать надо, которую уже начал «съедать» на договорных началах с «Нашим современником».

Если хочешь, попробуй вызвать меня в эти дни на переговоры...

Помяни, брат, и поплачь: Володи Гроховского¹ нет уже среди нас. Дела семейные довели мужика, и 30 июля он на глазах жены и дочери застрелился. Не буду описывать этого страшного дела (потом расскажу), но вот факт: на похороны жена дала 30 рублей, не нашлось для покойника ни белья, ни костюма – всё купили друзья-художники. И поминки о нём хорошие справили.(...) . Мать-старуха осталась, которая теперь об одном лишь молит, чтобы, когда она умрёт, похоронить её рядом с сыном...

Такие, брат, страшные дела у нас сотворились. За две недели до этого Володя был у меня, плакал, напившись, и говорил, что уйдёт из семьи. Баба его – ты и я это знаем – ещё та!..(...)

10 сентября будет 40 дней, как его схоронили. Выпей по стародавнему обычаю рюмку за нашего хорошего, весёлого друга...

На этом – пока! Привет тебе от всех нас. Ждём. Приезжай. Кое в чём мне можешь, в чём-то и я тебе помогу. Писать в одиночестве трудно. Я тут хоть за тобой приглядывать буду.

Обнимаю! Владимир

Томск

31 августа 1071 г.

Публикация Вениамина Колыхалова.

Подготовка писем и компьютерный набор –

Николай Колыхалов.

---

¹ **Владимир Григорьевич Гроховский** (1925–1971) — известный томский художник: живописец, график, автор тематических композиций, пейзажей, натюрмортов, портретов и иллюстраций. Родился в Нарымском крае, учился в Казанском художественном училище. Участник Великой Отечественной войны. Участник художественных выставок с 1945 года, в том числе зональных, областных, республиканских, зарубежных.